

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине

Франсуаза Саган. Немного солнца в холодной воде

Франсуаза Саган. Шелковые глаза

Франсуаза Саган. Любите ли вы Брамса?

Франсуаза Саган. Смутная улыбка

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Рэй Брэдбери. Летнее утро, летняя ночь

Рэй Брэдбери. Лекарство от меланхолии

Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков

Гастон Леру. Призрак Оперы

Агата Кристи. Десять негритят

Гийом Мюссо. После...

Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи

РЭЙ
БРЭДБЕРИ

*Дана
из одуванчиков*

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
THE DANDELION WINE
Copyright © 1953 by Ray Bradbury

Перевод с английского А. Оганяна
Разработка и оформление серии Е. Анисиной

Брэдли, Рэй.

Б89 Вино из одуванчиков : [роман] / Рэй Брэдли ; [пер. с англ. А. Оганяна]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-94239-8

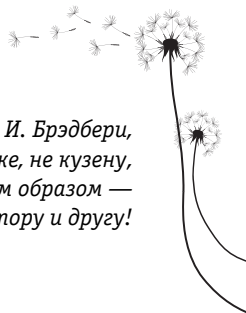
Проживите с героем лето, наполненное событиями радостными и печальными, загадочными и тревожными. И вы почувствуете, как изменится ваше настроение. Легкий, лиричный роман великого Брэдли вызовет самые светлые, самые заветные воспоминания. Он вернет вас в детство, когда все казалось необыкновенным, порой волшебным, когда каждый день мир открывался вам, словно книга, — страница за страницей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-94239-8

© Оганян А.,
перевод на русский язык, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Уолтеру И. Брэдбери,
Не дядюшке, не кузену,
А самым решительным образом —
Редактору и другу!*

По эту сторону Византии

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Эта книга, как и большинство моих книг и рассказов, возникла нечаянно. Я, слава богу, начал постигать природу таких внезапностей, будучи еще весьма молодым писателем. А до того, как и всякий начинающий, я думал, что идею можно принудить к существованию только битьем, мытьем и катаньем. Конечно, от такого обращения любая уважающая себя идея подожмет лапы, откинется на спину, устанется в бесконечность и околет.

Можно сказать, мне повезло: в двадцать с небольшим лет я увлекался словесными ассоциациями: просыпаясь поутру, шествовал к своему столу и записывал любые приходящие на ум слова или словесные ряды.

Затем я во всеоружии обрушивался на слово или вставал на его защиту, призывая ватагу персонажей взвесить это слово и показать мне его значение в моей жизни. Через час или два, к моему удивлению, возникал новый, законченный рассказ. Совершенно неожиданно и так восхитительно! Вскоре я обнаружил, что подобным образом мне суждено работать всю оставшуюся жизнь.

Поначалу я перебирал в памяти слова, которые описывали мои ночные кошмары и страхи моего детства, и лепил из них рассказы.

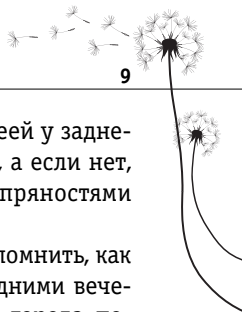
Потом я пристально посмотрел на зеленые яблони и старый дом, в котором родился, и на дом по соседству, где жили мои бабушка и дедушка, на лужайки летней поры — места, где я рос, и начал подбирать к ним слова.

В этой книге, стало быть, собраны одуванчики из всех тех лет. Метафора вина, многократно возникающая на этих страницах, на удивление уместна. Всю свою жизнь я копил впечатления, запрятывал их куда-нибудь подальше и забывал. При помощи слов-катализаторов мне предстояло каким-то образом вернуться и распечатать воспоминания. Что-то в них будет?

С двадцати четырех до тридцати шести лет дня не проходило, чтобы я не отправлялся на прогулку по своим воспоминаниям среди дедовских трав северного Иллинойса, надеясь набрести на старый недогоревший фейерверк, ржавую игрушку, обрывок письма из детства самому себе, повзрослевшему, чтобы напомнить о прошлом, о жизни, о родне, о радостях и омытых следами горестях.

Это занятие превратилось в игру, в которую я ушел с головой, — интересно, что мне запомнилось про одуванчики или про сбор дикого винограда в компании папы и брата. Я мысленно возвращался к бочке с дождевой водой — рассаднику комарья под боковым окном, выискивал ароматы золотистых мохнатых

пчел, висевших над виноградной оранжереей у заднего крыльца. Пчелы, знаете ли, благоухают, а если нет, то должны, ибо их лапки припорошены пряностями с миллионов цветов.

В более зрелые годы мне захотелось вспомнить, как выглядел овраг, особенно тогда, когда поздними вечерами я возвращался домой с другого конца города, после сеанса «Призрака Оперы» с живописными ужасами Лона Чейни, а мой брат Скип забегал вперед и прятался под мостом через ручей, откуда, подобно Неприкаянному, выпрыгивал вдруг, чтобы меня сграбастать, а я с истошными воплями улепетывал, спотыкался, снова бежал и верещал всю дорогу до самого дома. Бесподобно!

Играя в словесные ассоциации, я попутно встречался и сталкивался с истинной и старинной дружбой. Из своего детства в Аризоне я позаимствовал для этой книги своего товарища Джона Хаффа и перенес его на восток, в Гринтаун, чтобы попрощаться с ним как подобает.

Попутно я садился завтракать, обедать и ужинать с давно почившими и обожаемыми мною людьми. Ведь я на самом деле любил своих родителей, дедушку-бабушку и брата, несмотря на то что тот, бывало, мог меня, что называется, «подставить».

Я то оказывался в погребе, работая с отцом на винном прессе, то на веранде в ночь Дня Независимости, помогая своему дядюшке Биону заряжать его самодельную медную пушку и палить из нее.

Вот тут-то я и столкнулся с неожиданностью. Конечно, никто не велел мне быть застигнутым врасплох, мог бы я добавить от себя. Сам виноват. Я набрел на старые и лучшие способы сочинительства благодаря своему неведению и экспериментаторству и вздрагивал каждый раз, когда истины выпархивали из кустарника, как перепелки, чуя выстрел. Как ребенок, который учится ходить и видеть, я шел к вершинам писательского мастерства наобум. Научился позволять своим чувствам и Прошлому рассказывать мне все, что было истинным.

Так я превратился в мальчика, бегущего с ковшом за чистой дождевой водой, зачерпнутой из бочки на углу дома. И, разумеется, чем больше воды вычерпываешь, тем больше ее заливаешь. Поток никогда не иссякал. Как только я научился снова и снова возвращаться в те далекие времена, у меня возникло множество воспоминаний и чувственных ощущений, которые можно было обыгрывать, не обрабатывать, а именно обыгрывать. Грош цена «Вину из одуванчиков», если оно не есть спрятавшийся в мужчине мальчишка, играющий в божьих полях на зеленой августовской траве, в пору своего взросления, старения и ощущения тьмы, поджидающей под деревьями, чтобы посеять кровь.

Меня позабавил и несколько озадачил некий литературный критик, написавший несколько лет назад аналитическую рецензию на «Вино из одуванчиков» и более реалистичные произведения Синклера Льюи-

са, в которой он недоумевает: как это я, родившийся и выросший в Уокигане, переименованном мною в Грин-таун для моего романа, не заметил в нем уродливой гавани, а на его окраине удручающего угольного порта и железнодорожного депо.

Ну конечно же, я их заметил и, будучи прирожденным чародеем, был пленен их красотой. Разве могут быть в глазах ребенка уродливыми поезда и товарные вагоны, запах угля и огонь? С уродливостью мы сталкиваемся в более позднюю пору и начинаем всячески ее избегать. Считать товарные вагоны — первейшее занятие для мальчишек. Это взрослые бесятся и улюлюкают при виде поезда, который преграждает им дорогу, а мальчишки восторженно считают прикатившие изда- лека вагоны и выкликают их названия.

К тому же именно сюда, в это самое, якобы уродли- вое, депо прибывали аттракционы и цирки со слонами, которые в пять утра в темноте поливали могучими ед- кими струями мостовые.

А что до угля из порта, то каждую осень я спускался в подвал в ожидании грузовика с железным желобом, по которому с лязгом съезжала тонна красивейших метеоров, падающих в мой подвал из глубокого кос- моса, угрожая похоронить меня под грудой черных сокровищ.

Иными словами, если ваш сынишка — поэт, то для него лошадиный навоз — это цветы, чем, впрочем, ло- шадиный навоз всегда и является.

Пожалуй, новое стихотворение лучше, чем сие предисловие, объяснит, как из всех месяцев Лета моей жизни проросла эта книга.

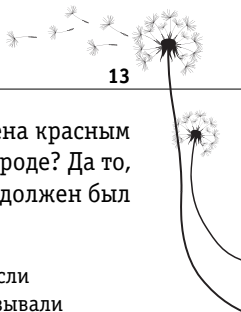
Вот как оно начинается:

Не из Византии я родом,
А из иного времени и места,
Где жил простой народ,
Испытанный и верный.
Мальчишкой рос я в Иллинойсе.
А именно в Уокигане,
Название которого
Непривлекательно и
Благозвучием не блещет.
Оттуда родом я, друзья мои,
А не из Византии.

Стихотворение продолжается описанием моей привязанности к родным местам длиною в жизнь:

В своих воспоминаниях,
Издавелека, с верхушки дерева,
Я вижу землю, лучезарную,
Любимую и голубую,
Такую и Уильям Батлер Йейтс
Признал бы за свою.

Уокиган, в котором я частенько бываю, не лучше и не уютнее любого другого среднезападного американского городишки. Он почти утопает в зелени. Кроны деревьев смыкаются над серединой улицы. Дорога

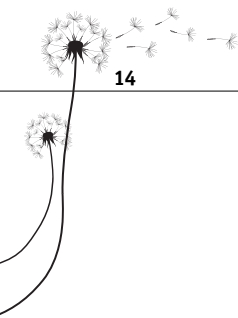

перед моим старым домом все еще вымощена красным кирпичом. Так что же особенного в этом городе? Да то, что я там родился. Он стал моей жизнью. Я должен был написать о нем как подобает:

Среди мифических героев мы росли
И ложкою хлеб Иллинойса намазывали
Светлым джемом — божественною
Пищей, чтобы его разбавить
Арахисовым маслом
Цвета бедер Афродиты...
А на веранде — спокойный и
Решительный — мой дед,
Ходячая легенда,
Достойный ученик Платона,
Его слова — чистейшая премудрость,
И светлым золотом искрится взгляд.
А бабушка тем временем
«Разодранный рукав печали»¹
Чинит и вышивает холодные
Снежинки редкой красоты и
Блеска, чтобы припорошить
Нас летней ночью.
Дядя-курильщики
Глубокомысленно шутили,
А ясновидящие тетушки
(Под стать дельфийским девам)
Летними ночами

---

¹ У. Шекспир. «Макбет», акт 2, сцена II. (Здесь и далее прим. перев.)

Всем мальчикам,
Коленопреклоненным,
Как служки в портиках античных,
Пророческий разлили лимонад;
Потом шли почивать
И каяться за прегрешения невинных;
У них в ушах грехи,
Как комарье, зудели
Ночами и годами напролет.
Нам подавай не Иллинойс, не Уокиган,
А радостные небеса и солнце.
Хоть судьбы наши заурядны
И мэр наш далеко умом не блещет,
Подобно Йейтсу.
Мы знаем, кто мы есть. В итоге что?
Византия.
Византия.

Уокиган/Гринтаун/Византия.

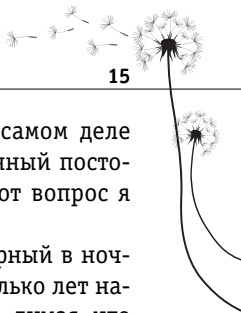
Так, значит, Гринтаун существовал?

Да, и еще раз да! А существовал ли на самом деле мальчишка по имени Джон Хафф?

На самом деле существовал. И это его настоящее имя. Не он меня покинул, а я. Эта история со счастливым концом. Он жив и поныне, сорок два года спустя. И помнит нашу любовь.

И Неприкаянный существовал?

Да. Так его и звали. Когда мне было шесть лет, он рыскал ночами по нашему городу, наводя на всех ужас. Его так и не поймали.

И самое важное: существовал ли на самом деле большой дом бабушки и дедушки, населенный посто­яльцами, дядюшками и тетюшками? На этот вопрос я уже ответил.

А овраг всамделишный, глубокий и черный в ноч­ную пору? Он был и остается таким. Несколько лет на­зад я с опаской водил туда своих дочерей, думая, что с годами овраг мог обмелеть. Я с превеликим облег­чением и удовольствием могу заверить вас, что овраг стал еще глубже, темнее и таинственнее прежнего. Даже теперь я бы не посмел возвращаться через него домой после просмотра «Призрака Оперы».

Итак, Уокиган был Гринтауном, а тот — Византией, со всем счастьем, которое под ним подразумевалось, и со всей грустью, которая звучит в этих именах. Лю­ди в нем были богами и лилипутами и знали, что они смертны, поэтому лилипуты ходили, гордо вытянув­шись вверх, чтобы не смущать богов, а боги скрючива­лись, чтобы коротышки чувствовали себя в своей та­релке. В конце концов, не в этом ли заключается наша жизнь — в способности ставить *себя* на место других людей и смотреть их глазами на пресловутые чудеса и говорить: «А, так вот как вы это видите. Теперь я запомню».

Итак, я чествую смерть и жизнь, тьму и свет, старое и молодое, смышленное и глупое вместе взятые, чистый восторг и полный ужас, написанный мальчишкой, ко­торый некогда висел вверх тормашками на деревьях,